

История культуры в документальном наследии

УДК 929

DOI: 10.28995/2658-6541-2021-1-88-104

Редактор «России»: Биография И.Г. Лежнева – архивные документы и публикации*

Часть 2*

Мария В. Мишуровская

*Российская государственная библиотека искусств,
Москва, Россия, onb@liart.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются архивные материалы и печатные источники, связанные с основными вехами творческой биографии литератора, редактора журнала «Россия» И.Г. Лежнева (1891–1955). Об идеологической работе И.Г. Лежнева в первой половине 1920-х гг., связанной с выпуском журнала «Россия», бывшего частью «сменовеховского» идеологического проекта, дают представление его статьи, помещенные в этом журнале, его письма к Н.В. Устрялову, опубликованные М.С. Агурским, а также источники, хранящиеся в отечественных архивах. История закрытия «сменовеховского» журнала «Россия» и дело о высылке его редактора И.Г. Лежнева «за пределы СССР» отражены в документах, отложившихся в фондах Российского государственного архива социально-политической истории и Центрального архива Федеральной службы безопасности Российской Федерации. На основании информации, почерпнутой в документальных источниках, отложившихся в фонде И.Г. Лежнева в Российском государственном архиве литературы и искусства, автором статьи представлен обзор профессиональных обязанностей И.Г. Лежнева – сотрудника Торгового представительства СССР в Берлине.

В статье приведен обзор источников, рассказывающих о возвращении И.Г. Лежнева из Германии в СССР, о важной роли его «расширенного заявления» о приеме в партию, автобиографических и покаянных «Записок современника», во многом определивших дальнейшую судьбу их автора, о работе в газете «Правда» и других «вехах» его жизни. К анализу впервые привлечены документы из частных собраний, касающиеся публикации в СССР книги И.Г. Лежнева «Записки современника».

---

* Продолжение. Начало см.: История и архивы. 2020, № 3. С. 52–68.

Ключевые слова: И.Г. Лежнев, творческая биография, журнал «Россия», история литературы 1920–1940-х гг., архивные источники, идеологический проект

Для цитирования: Мишуровская М.В. Редактор «России»: Биография И.Г. Лежнева – архивные документы и публикации. Часть 2 // История и архивы. 2021. № 1. С. 88–104. DOI: 10.28995/2658-6541-2021-1-88-104

Editor of the “Russia” magazine.
Biography of I.G. Lezhnev –
archival documents and publications

Part 2

Maria V. Mishurovskaya

Russian State Art Library, Moscow, Russia;

e-mail: onb@liart.ru

Abstract. The article considers the archival materials and printed sources related to the major milestones of the professional biography of I. G. Lezhnev (1891–1955), the writer and editor of the “Russia” magazine. I. G. Lezhnev’s ideological work in the first part of the 1920s connected with the issuing of «Russia» – the magazine which belonged to the «Smena Vekh» ideological project can be understood through his publications in that magazine, his letters to N.V. Ustryalov published by M. S. Agurskiy, as well as through the resources in the Russian archives. The sequence of events that ended up in the closure of the “Russia” magazine and in deporting its editor, I.G. Lezhnev, “beyond the boundaries of the USSR” are revealed in the documents kept in the funds of the Russian State Archives of the Social and Political History and the Central Archives of the Federal Security Service of the Russian Federation. Following the information provided by the documents of the I.G. Lezhnev’s fund in the Russian State Archives of Literature and Art, the author reviews the professional duties of I.G. Lezhnev – the staff member of the Trade Mission of the USSR in Berlin.

The article reviews the sources describing I.G. Lezhnev’s return from Germany to the USSR, the essential role of his ‘extended membership application’ for joining the Party, his autobiographical and repenting “Notes of a Contemporary” which in many ways defined the future of their author; much attention is also drawn to his work in the ‘Pravda’ newspaper and other milestones of his life. The present paper for the first time, analyzed the documents from the private collections, connected with the publication of Lezhnev’s “Notes of a Contemporary” in the USSR.

Keywords: I.G. Lezhnev, professional biography, “Russia” magazine, history of literature in the 1920–1940s, archival sources, ideological project

For citation: Mishurovskaya, M.V. (2021), "Editor of the 'Russia' magazine. Biography of I.G. Lezhnev – archival documents and publications. Part 2", *History and Archives*, no. 1, pp. 88–104, DOI: 10.28995/2658-6541-2021-1-88-104

Берлинская ссылка. Новые идеи

24 мая 1926 г. Исая Григорьевич обратился в Эстонскую дипломатическую миссию с просьбой о разрешении въезда в эстонский курортный город Хаапсалу. Виза была выдана на летние месяцы. Как подчеркивает И.З. Белобровцева, анкету в посольство Эстонии «подает не рядовой гражданин» – Лежневым была заполнена «Анкета для сотрудников технического персонала, командируемых властями РСФСР в Российское Полномочное Представительство в Ревеле» [Белобровцева 2011, с. 84]. В конце июля Лежнев покидает Эстонию.

В удостоверении, выданном Исаю Григорьевичу в 1930 г. в отделе кадров Торгового представительства СССР в Берлине, отмечено, что он «состоял сотрудником Торгового Представительства СССР в Германии в качестве экономиста Общеэкономического отдела с 1 октября 1926 года по 15 февраля 1930[-го]; и уволился по собственному желанию в связи с отъездом в СССР»¹.

В начале 1929 г. Лежнев возбуждает ходатайство о применении к нему амнистии, как поясняется в справке пятого отделения Секретного отдела ОГПУ, «то есть о досрочной его легализации»². Кроме того, Исая Григорьевич просит разрешить ему въезд в СССР (на один месяц) для переговоров с «Государственным издательством» (ГИЗом) и издательством «Земля и фабрика» (ЗИФом). В справке ОГПУ цель переговоров несколько искажена: в ней утверждается, что Лежнев хотел обсудить с издательствами возможность его работы в их заграничных представительствах. На самом деле (об этом ниже) бывший редактор «России» хотел такие представительства организовать.

Ходатайство Лежнева о применении к нему амнистии было отклонено. Въезд в СССР запрещен – вплоть до окончания 10 мая 1929 г. срока высылки.

О содержании «штатной» и внештатной работы Исаю Григорьевича в Торгпредстве свидетельствуют материалы, хранящиеся в фонде Лежнева в Российском государственном архиве литера-

¹ РГАЛИ. Ф. 2252. Оп. 1. Д. 231. Л. 8.

² ЦА ФСБ. Д. Р-46939. Л. 39. Цит. по: Остракизм по-большевистски: преследования политических оппонентов в 1921–1924 гг. М.: Русский путь, 2010. С. 352.

туры и искусства (РГАЛИ)³. Так, перед отъездом в СССР в 1930 г. он обращается в административно-организационное управление Торгпредства с просьбой об оплате работ, выполненных им «во внеслужебное время – вечерами и в воскресные дни – в здании Торгпредства и на дому, а также во время происшедшего летом 1929 г. перерыва в моей службе»⁴. Перечисляя выполненные задания, Исай Григорьевич около каждого указывает причитающуюся ему сумму (общая составила 400 долларов).

Работа Лежнева во внеслужебное время заключалась в составлении обзоров, отчетов и статистических выборок. Им были подготовлены обзоры «Жилстроительство Германии», «Экономическое положение Германии» (по заданию Концесскома), «Проблемы германской экономической информации», «Торговые взаимоотношения СССР с Восточной Пруссией» и др.

Штатная работа Лежнева в экономическом отделе Торгпредства также сводилась к составлению обзоров: «германского хозяйства» (месячных, квартальных и годовых, последние – по поручению Концесскома), аналитических обзоров германской внешней торговли и т. д. Исай Григорьевич участвовал в подборе и систематизации материалов в связи с торговыми переговорами СССР с Германией. Он же выступал в качестве переводчика и редактора («стилистическая правка почти всех рукописей отдела, и отчасти и финуправления, писавшихся на русском языке»)⁵.

Начальник общего экономического отдела Торгпредства Р.Я. Андерс характеризовал Лежнева как добросовестного работника, всегда проявлявшего живой интерес к делу, «не считаясь с затраченным усилием или временем и не возбуждая вопроса о дополнительной оплате труда, хотя в течение всех трех лет числился *“временным”* [курсив мой. – М. М.] сотрудником и получал значительно сниженный оклад жалования»⁶.

Зачем Исаю Григорьевичу понадобилось так настойчиво просить об амнистии незадолго до официального окончания срока высылки? Причины были.

По-видимому, не складывались дела личного характера. Если верить материалам ОГПУ, Лежнев, выехав за границу с женой – Э.С. Альтшуллер, впоследствии хлопотал об устройстве личной жизни в Берлине с некоей М.М. Пашаевой, бывшей машинисткой «Новой России», которая «одновременно с Лежневым возбуждала ходатайство о выдаче ей загранпаспорта для поездки к нему

³ РГАЛИ. Ф. 2252.

⁴ РГАЛИ. Ф. 2252. Оп.1. Д. 231. Л. 7.

⁵ Там же. Л. 5–6.

⁶ Там же.

в качестве жены. Ходатайство было удовлетворено...»⁷. По сведениям сотрудников пятого отделения Секретного отдела ОГПУ, Пашаева пробыла в Берлине около двух лет и затем вернулась в Москву. Зимой 1929 г. Исая Григорьевич и М.М. Пашаева снова просят о возвращении последней в Берлин (ремарка уполномоченного СО ОГПУ С.М. Гендина: «...они, будто бы, снова решили сойтись»⁸). В заграничном паспорте знакомой Исаия Григорьевича на этот раз было отказано.

Косвенно семейные «неурядицы» Лежнева подтверждает письмо вернувшейся из США в Москву Э.С. Альтшуллер: адресованное Михаилу Булгакову, оно было написано 27 августа 1933 г. (Исай Григорьевич к этому времени почти три года жил в России – был прописан в Ленинграде). Она, в частности, сообщает писателю: «Последние семь лет я жила за границей, в Германии и САСШ⁹. В Соединенных Штатах я была близка с левыми театральными кругами Нью-Йорка»¹⁰. Заверив писателя, что его драматургические произведения найдут «живой интерес в Нью-Йорке», она называет свой адрес в Москве: «Дом правительства, 17-й подъезд, кв. 342»¹¹.

По сведениям, полученным нами от Ольги Романовны Трифионовой – директора музея «Дом на набережной», в 1933 г. в кв. 342 (в 17 подъезде) Дома Правительства проживала вместе с соседями по квартире (Богоуцкими) первая жена Якова Моисеевича Шатуновского (1880–1932) – Шатуновская Генриетта Соломоновна (1888–1935) с дочерью Надеждой (1922–1982). Можно предположить, что Эстер Соломоновна в августе 1933 г. гостила именно у нее. Г.С. Шатуновская (до замужества – Рубинштейн) была родной сестрой Э.С. Альтшуллер и свояченицей И.Г. Лежнева. О ней и ее муже, Якове Моисеевиче Шатуновском, члене Коллегии Наркомата транспорта, профессоре математики и заведующем кафедрой математики Института Красной профессуры, не раз упоминает в своем дневнике знакомый Шатуновских (и частый гость в их доме) Корней Иванович Чуковский.

Эстер Соломоновна просила Булгакова звонить ей, не откладывая. Он, по-видимому, этого не сделал. Так или иначе, но 8 октября 1933 г. она нанесла визит Булгаковым. Елена Сергеевна Булгакова

---

⁷ ЦА ФСБ. Д. Р-46939. Л. 39. Цит. по: Остракизм по-большевистски... С. 352.

⁸ Там же.

⁹ Северо-Американские Штаты Америки (САСШ) – распространенное в русском языке, в основном в первой половине XX в., название Соединенных Штатов Америки.

¹⁰ РО ИРЛИ (Пушкинский Дом). Ф. 369. Оп. 1. Д. 345. Л. 1.

¹¹ Там же.

коротко записывает в дневнике: «Днем приходила бывшая жена И. Лежнева – Альтшулер, просила [у] М.А. пьесы для театра “Гилд” в Нью-Йорке. М. А. отказал»¹².

Вторая причина ходатайства Лежнева о досрочной амнистии: намеченные переговоры с ГИЗом и ЗИФом об организации их зарубежных представительств. Об этом была предварительная договоренность с председателем правления Госиздата А.Б. Халатовым, заинтересованным «возможностью роста нашей пролетарской литературы»¹³. Проект был подготовлен Исаем Григорьевичем в 1928 г.

Предложения об организации представительств он изложил в обширном «Докладе о переводной литературе», черновик которого хранится в фонде Лежнева в РГАЛИ. В вводной части этого текста, упомянув об отсутствии «литературной конвенции» между СССР и западными странами, он замечает:

Для держания политически нужных нам отношений с ограничительным кругом иностранных авторов, нет, мне кажется, нужды заключать общие конвенции и после этого оплачивать всех переводимых нами иностранных авторов – живых и мертвых (их наследников). Что касается защиты интересов наших авторов в ту весьма скромную меру, в кою они переводятся, то для этого имеются несравненно более простые и, грубо говоря, дешевые способы. Ведь надо помнить, что буржуазный правопорядок западных стран достаточно ревностно защищает принципы собственности. В этих условиях для защиты интересов советских авторов вполне достаточно, если наши писательские объединения поручат живущим в Берлине, Париже, Риме трем товарищам, которые будут пристраивать переводы русских книг, имеющих шансы на успех за границей до выхода этих книг в СССР и также закреплять права наших авторов за границей, а в дальнейшем следить за выходящими в свет переводами с русского языка и взыскивать с издательства гонорар¹⁴.

Далее Лежнев переходит к задачам «ближайшего года», которые, по его мнению, могли бы решать за рубежом представители советских издательств, осуществляя не только отбор книг для перевода и снабжение ими «наших издательств», но и «снабжение иностранным материалом периодических изданий»¹⁵.

¹² Цит. по: *Булгакова Е.С.* Дневник: 1933 г. // Михаил и Елена Булгаковы: Дневник Мастера и Маргариты. М.: Вагриус, 2004. С. 137.

¹³ *Халатов А.Б.* Десятилетний юбилей советской книги: наша художественная литература // *Известия.* 1929. 18 мая. № 111. С. 2.

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 2252. Оп. 1. Д. 234. Л. 19–20.

¹⁵ Там же. Л. 20, 23.

Исай Григорьевич подчеркивает: печатное слово всегда было наиболее эффективной формой сближения с Западом. Именно поэтому он настаивает на создании редакционного представительства Госиздата за границей. Он предлагает, наладив «такую ячейку в одном заграничном центре и именно в Берлине, целиком занять этим делом <...> одного работника – с тем, чтобы он имел возможность привлекать себе на подмогу нужные силы, оплачивая их сдельно»¹⁶.

В роли представителя Госиздата за границей он, конечно же, видит себя, а среди основных функций будущего редакционного представительства называет информирование Госиздата обо всех ценных книгах, появившихся за рубежом или готовящихся к выходу в свет: «все рукописи читаются здесь, в представительстве, пишется рецензия»¹⁷. По замыслу Лежнева, перевод рукописи, отобранной для советской печати, делается «здесь же на месте, в непосредственной близости от автора»¹⁸. Исай Григорьевич брался наладить связь с немецкими авторами и издательствами. Для этого он предлагает создать в Берлине единый корреспондентский центр, который будет вступать в договорные отношения с заграничными издательствами, выполняя при этом «разные литературные и литературно-организационные поручения»¹⁹.

Лежнев разрабатывает «Положение о представительстве Гиза в Германии»²⁰, прилагая к нему «Проект месячной сметы Представительства Госиздата в Берлине»²¹, и аналогичные положение и проект для создания представительства издательства «Земля и фабрика». Кроме того, он составляет тексты проектов удостоверений уполномоченного Государственного издательства РСФСР в Германии и ЗИФа²².

Начинания Исаия Григорьевича, получившие поддержку Халатова, не нашли одобрения в ОГПУ. Отбыв берлинскую ссылку «от звонка и до звонка», бывший редактор сменовеховского журнала в 1930 г. возвращается в СССР.

---

¹⁶ Там же. Л. 34.

¹⁷ Там же. Л. 36.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Л. 43–44.

²⁰ Там же. Л. 37–38.

²¹ Там же. Л. 39.

²² Там же. Л. 39об., 56–57.

«Записки современника» – современная книга

Перед возвращением в СССР, в апреле 1929 г., Исая Григорьевич пишет письмо-заявление в ЦК ВКП(б). Черновик этого письма сохранился в фонде Лежнева в РГАЛИ. Подлинник отложился в фонде ЦК КПСС в РГАСПИ²³. В конце августа 1929 г. оно было размножено (в 42 экземплярах) и разослано членам ЦК ВКП(б).

В начале письма, вспомнив о том, как эмигрантская печать решила сделать из его высылки в Берлин «сенсацию», бывший редактор «России» утверждает:

...меньшевики рассчитывали, что, оказавшись за границей, я брошусь им в объятия, а если этого не случилось, то не иначе всё – враки, а меня вообще нет за границей. «Дни»²⁴ в Париже сообщали о моей высылке под афишными заголовками, посвящали ей передовые статьи и проч.²⁵

Исай Григорьевич отмечает, что ни косвенные, как он выражается, предложения «участвовать в эмигрантской прессе», ни травля, организованная эмигрантскими кругами после его отказа поддерживать контакты с этими кругами, не заставили его отступить от принятой им позиции – он решил, не делая из своей ссылки сенсацию, а из себя жертву советского режима, выполнять работу в берлинском Торгпредстве и сотрудничать исключительно с советской прессой (среди советских периодических изданий, в которые Лежнев «корреспондировал» свои статьи, в заявлении упомянуты «Учительская газета», журналы «Народный учитель» и «Советская торговля»).

Обозначив свое отношение к тем «искушениям», которые окружали его в Берлине, Исай Григорьевич переходит к характеристике экономической и духовной жизни Европы, проникнутой, по его словам, «бешенством эротизма в быту и в искусстве», «откровенным и циничным делячеством во всем»²⁶.

Приближаясь к цели своего заявления – к просьбе о разрешении вернуться в СССР, Лежнев совпадает в эпистолярно-официальной стилистике с другим автором письма «наверх» – Михаилом Булгаковым, с составленным им в том же 1929 г. к властям заявлением. Оба, автор романа «Белая гвардия» и бывший редактор журнала «Россия», используют в разговоре с властью один и тот же прием

²³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 169. Д. 30. Л. 92–98.

²⁴ Высылка Лежнева // Дни. Париж, 1926. 22 авг. № 1087. С. 1.

²⁵ РГАЛИ. Ф. 2252. Оп. 1. Д. 112. Л. 1.

²⁶ Там же. Л. 2.

«прямой спины», разумно предполагая, что высокопоставленный адресат почувствует стойкость пишущего, оказавшегося в безнадёжном положении.

Булгаков, написавший в 1929 г. – после снятия с репертуара московских театров пьес «Дни Турбиных», «Зойкина квартира» и «Багровый остров» – первое письмо правительству СССР, подал его «наверх»: доведенный до отчаяния писатель просит разрешить ему «выехать за границу на тот срок, который Правительство Союза найдет нужным назначить...»²⁷.

В конце марта 1930 г., незадолго до самоубийства Владимира Маяковского, Булгаков адресует советскому правительству второе письмо. Оно содержит уже не одно, а два предложения к властям, которые, как подчеркивает писатель, вольны: или приказать ему «в срочном порядке покинуть пределы СССР», или «командировать <...> в театр на работу в качестве штатного режиссера»²⁸. Как известно, в мае 1930 г., после телефонного разговора Булгакова со Сталиным, состоявшегося в апреле, писатель был принят на должность режиссера-ассистента в Московский Художественный театр.

Задача Лежнева – вернуться в СССР – не имеет развилки в решении: Исай Григорьевич демонстрирует советской власти энтузиазм профессионала, уверенного в той пользе, которую он может принести государству:

К моменту истечения трехлетнего срока моей высылки я возбудил ходатайство о выдаче мне визы на обратный въезд в СССР, но по непонятной мне причине ходатайство было отклонено. Еще до того было отклонено мое ходатайство о разрешении съездить в СССР хотя бы на один месяц для оформления договорных отношений с советскими издательствами. А месяца за полтора до истечения срока моей 3-летней высылки я был лишен возможности выполнять даже ту скромную и внештатную работу в Торгпредстве, которую вел до этого в течение двух с половиной лет. Мое предложение об организации в Берлине представительства наших издательств и раньше всего Госиздата (в связи с предстоящим заключением литературной конвенции с Германией), после принципиальной моей сговоренности с т. Халатовым было отвергнуто на том основании, что «литературно-издательская работа Лежнева в настоящих условиях признана нежелательной». Таким образом, я лишен возможности вести советскую работу и в пределах СССР и за границей. Я обращаюсь в ЦК с просьбой снять с меня все запреты, наложенные на меня в мае 1926 года и сохранив-

---

²⁷ Цит. по: *Булгаков М.А. Письма: Жизнеописание в документах.* М.: Современник, 1989. С. 153.

²⁸ Там же. С. 177.

шие карательную силу до настоящего времени, но в 1929 году вряд ли целесообразные в отношении меня после проделанного мною опыта заграничной жизни, и дать мне возможность участвовать в советском строительстве в меру моих сил, знаний и способностей²⁹.

Аргументы Лежнева, приводимые им в связи с его желанием вернуться в советскую Россию, основаны и на демонстрации некоторых своих слабых черт.

Предъявляя их партийному руководству, Исай Григорьевич, дабы подчеркнуть всю серьезность положения, пускается на очевидный шантаж:

«При острой моей впечатлительности и легкой подверженности ассимиляции – длительный отрыв от СССР сказывается худо. Уже сейчас, после 3-х с лишним лет отсутствия из СССР, я во многом потерял чувство реальности и начинаю видеть советскую действительность глазами как бы иностранца, т. е., лишь в общих смутных очертаниях. Между тем для литератора революционной эпохи, каким я хочу себя считать, отрыв от революционной действительности является худшим из возможных зол для его творческой работы»³⁰.

Не все члены ЦК партии были за возвращение Лежнева. Нарком юстиции Н.М. Янсон (в секретной резолюции, адресованной И.В. Сталину) предложил «разрешить Лежневу в качестве корреспондента из-за границы сотрудничать в “Известиях”» («Перо у него бойкое, почему его не использовать в таких ограниченных пределах?» – замечает Янсон³¹). Заведующий отделом агитации, пропаганды и печати ЦК ВКП(б) А.И. Криницкий более прямолинеен: «Лежнева – не пускать в СССР»³².

На заседании Политбюро, состоявшемся 5 декабря 1929 г., Сталин принимает решение: «Разрешить Лежневу вернуться в СССР»³³.

Получив разрешение ЦК ВКП(б), бывший редактор «России» весной 1930 г. возвращается в Москву. Начинается новая жизнь: первые годы после ссылки он посвящает переосмыслению своего прошлого.

В «Личном листке по учету кадров» редакции газеты «Правда» Лежнев впоследствии отметит, что в 1930 и 1932 гг. являлся литературным сотрудником журнала «Военный вестник», а в 1932-м

²⁹ РГАЛИ. Ф. 2252. Оп. 1. Д. 112. Л. 6.

³⁰ Там же. Л. 7.

³¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 169. Д. 30. Л. 100.

³² Там же. Л. 99, 99 об.

³³ Там же. Л. 90.

и 1935-м был «автором по договору», сотрудничал в этом качестве с «Партиздатом», а также с издательствами «Художественная литература» и «Советский писатель»³⁴, в которых в середине 1930-х гг. выйдет автобиографическая книга Исаия Григорьевича «Записки современника».

Первый том «Записок...», озаглавленный «Истоки» (он же – последний, разрешение на продолжение книги-автобиографии, испрошенное лично у И.В. Сталина, Лежнев так и не получил), выдержал три издания: в 1934-м, 1935-м и 1936-м гг. (общий тираж книги составил 28 400 экземпляров)³⁵. В «Библиотеке “Огонек”» вышел фрагмент «Записок...» – глава «Юные годы»³⁶. Фрагменты «Истоков» также были опубликованы в «Новом мире»³⁷.

Текст «Записок...» – автобиография человека, пишущего о себе максимально отстраненно – подчеркнуто равнодушно. Практицизм, с которым Лежнев подходит к своей прошлой жизни, позволяет ему выступить в роли наблюдателя над собой – как над участником исторических событий. Все идеологические заблуждения и ошибки революционной практики он разделяет со своим классом – с интеллигенцией и ее известными представителями (Леонидом Андреевым, Николаем Устряловым, Анатолием Луначарским).

Личного отношения к противоречивой судьбе Исаия Альтшуплера-Лежнева у автора «Записок...» как бы нет: даже воспоминания о семье, о рано ушедшей из жизни матери, о непростом характере отца выдержаны в демонстративно сухой стилистике. Так о своих «истоках» может писать человек, не имеющий «в собственности» сентиментальной привязанности к годам детства и юности.

Его личность – только зеркало для отражения коллективных задач. Нет, он не снимает с себя вины за то, что «в годы нэпа, с 1922 по 1926, редактировал “сменовеховский” журнал “Новая Россия” и обрел на том сомнительную славу “идеолога российской интеллигенции”»³⁸, но и не кается излишне.

Годы, проведенные в берлинской ссылке, помогли, как утверждает Исаия Григорьевич, осознать «сменовеховские» ошибки.

³⁴ РГАЛИ. Ф. 2252. Оп. 1. Д. 248. Л. 5.

³⁵ *Лежнев И.Г.* Записки современника. Т. 1. [М.]: ГИХЛ, 1934. 275, [2] с.; *Он же.* Записки современника. 2-е изд. Т. 1. М.: Сов. писатель, 1935. 330, [4] с.; *Он же.* Записки современника. 3-е изд., испр. Т. 1. М.: Сов. писатель, 1936. 295, [3] с.

³⁶ *Лежнев И.Г.* Юные годы: (Из «Записок современника»). М.: Журн.-газ. объединение, 1936. 64 с. (Библиотека «Огонек»)

³⁷ *Лежнев И.Г.* Записки современника. Т. 1: Истоки // Новый мир. 1934. № 1. С. 204–227; № 2. С. 186–223; № 3. С. 82–124; № 4. С. 88–141.

³⁸ *Лежнев И.Г.* Записки современника. Изд. 3-е, испр. Т. 1. С. 281.

Именно годы «ссылки» (любой опыт полезен) привели его к переосмыслению прошлого. Итог этого переосмысления таков:

Кто из старых интеллигентов искренне хочет быть продолжателем лучших традиций прошлого, тот должен раз навсегда усвоить себе, что наследование по прямой интеллигентской линии уже давно оборвалось, что все права наследования перешли к пролетариату и его партии...»³⁹

Только в начале книги воспоминания об отце – в оторочке однозначных характеристик его личности (непреклонная воля, фанатизм и доктринерский ум в сочетании с сердечной мягкостью и еврейским лиризмом, проявляемым в песнях) – выскальзывают из нелестных характеристик «диких нравов» города Николаева и описания Лежневым себя самого («буржуазный ребенок» – «цепкая обезьянка и цепкий собственник»):

Когда наступали сумерки и в столовой зажигался уже свет, отец еще долго оставался со мной в своем кабинете. Комната была большая, в шесть окон: держа меня за руку, отец медленно шагал по комнате из угла в угол, тоскуя и вспоминая мать. Затем брал меня на руки, садился на диван, мягким грудным голосом пел свои любимые песни, ласкал меня и плакал. Было мучительно видеть, как катились слезы по щекам отца, такого большого и строгого. Очень нравились мне его песни, и я тонким дискантом подпевал⁴⁰.

Спустя три года после возвращения в Москву Лежнев обращается к И.В. Сталину с письмом, прилагая к нему сигнальный экземпляр первого тома «Записок современника». Книгу он просит считать «расширенным заявлением о приеме в партию». Лежнев подчеркивает:

Я ехал в Москву убежденным коммунистом, с твердым намерением вступить в партию, многое во мне безотчетно оставалось старым. Окончательно вытряхнуть из себя и изжить остатки прошлого, переключиться и идейно, и психически на новый ритм, стать действительно новым человеком – помогла мне работа над книгой: работа над книгой – работа над самим собой⁴¹.

---

³⁹ *Лежнев И.Г.* Записки современника. Т. 1: Истоки... С. 213.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ РГАЛИ. Ф. 2252. Оп. 1. Д. 116. Л. 1.

В декабре 1933 г. Лежнев принят в партию⁴²: 20 декабря решение – «принять т. Лежнева в члены ВКП(б)»⁴³ зафиксировано в постановлении Политбюро ЦК ВКП(б).

Историк общественной мысли

Выход в свет «Записок современника», написанных бывшим «берлинским ссыльным», был воспринят в советской литературной среде, конечно же, неоднозначно. «Лотерейный билет», вытянутый бывшим редактором журнала «Россия» вскоре после возвращения из ссылки, казался, с точки зрения советского литератора, выигранным.

Карьерный рост Исаия Григорьевича после 1933 г. был не то чтобы стремительным, но довольно быстрым. В 1934 г. он принимает активное участие в работе первого Всесоюзного съезда советских писателей, выступая с резкой критикой в адрес Б.А. Пильняка и Б.Л. Пастернака⁴⁴. В 1935 г. Лежнев назначен заведующим отделом литературы и искусства газеты «Правда» (эту должность он будет занимать до августа 1939 г.). Такое скорое карьерное устройство, конечно же, предполагало активизацию недоброжелателей Лежнева, в первую очередь – коллег по литературно-идеологическому цеху, помнивших о «сменовеховском успехе» и последовавшей за ним опале редактора журнала «Россия».

В нашем распоряжении оказались материалы, относящиеся к биографии Лежнева середины 1930-х – периода второго издания «Записок...». Среди них – отзыв на книгу Исаия Григорьевича, написанный сотрудником Народного комиссариата иностранных дел (НКВД) Федором Христофоровичем Бутенко⁴⁵, впоследствии

⁴² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 169. Д. 30. Л. 108.

⁴³ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о приеме в партию литературного деятеля И.Г. Лежнева, 20 декабря 1933 г. // Власть и художественная интеллигенция: документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике 1917–1953 гг. / Под ред. А.Н. Яковлева; сост. А.Н. Артизов, О.В. Наумов. М.: МФД, 1999. С. 208.

⁴⁴ *Лежнев И.Г.* Речь на седьмом заседании 1-го Всесоюзного съезда советских писателей // Первый Всесоюзный съезд советских писателей, 1934: [стеногр. отчет]. М.: Художеств. лит., 1934. С. 173–178.

⁴⁵ Материалы, относящиеся к биографии И.Г. Лежнева, в 2016 г. были переданы автору этой статьи С.Д. Бобровым. Среди них три машинописных отзыва на книгу Лежнева «Записки современника» – литературоведа А.М. Лейтеса, журналиста и литературного критика, члена РАПП А.П. Селивановского и литератора, сотрудника НКВД Ф.Х. Бутенко.

ненадолго занявшим пост Временного поверенного в делах Посольства СССР в Румынии. В период чистки Сталиным (во второй половине 1930-х гг.) дипломатического и внешнеторгового советского корпуса, Бутенко, попросив в феврале 1938-го политического убежища в фашистской Италии, становится невозвращенцем.

В советской биографии Бутенко (члена ВКП(б) с 1930 г.) – защита кандидатской диссертации «Реализм Салтыкова-Щедрина» и последующее назначение ответственным редактором полного собрания сочинений автора «Истории одного города». В. Кейдан, исследователь биографии дипломата-невозвращенца, отмечает:

С 1932 года Бутенко – старший научный сотрудник, заведующий сектором классической русской литературы и ответственный редактор Гослитиздата. В 1935 году по рекомендации райкома ВКП(б) он поступает на курсы дипломатических переводчиков Народного комиссариата иностранных дел. По окончании курсов в 1937 г. его посылают на работу в качестве гида-переводчика в советский павильон на Всемирной выставке в Париже. В 1931 – 1937 годах публикует в советских журналах разгромные статьи против литераторов и критиков, отступающих от «руководящей линии партии», обличая их в левом и правом уклонизме, троцкизме. Именно ему, редактору Гослитиздата, поручают выстрелить первыми залпами в печати в писателей и литературоведов: М. Майзеля, А. Ревякина, Георгия Горбачева, Мунблита в разгромной статье «Против троцкистской контрабанды в литературоведении» [Кейдан 2010, с. 54].

Перестаравшийся в своем рвении Бутенко сам едва не стал «вычеркнутым» из жизни человеком: как утверждает В. Кейдан, от опалы его спасло заступничество «партийно-чекистского начальства» [Кейдан 2010, с. 55].

Текст отзыва Бутенко на «Записки современника» выдержан в идеологическом ключе «залпов» в печати по литературоведам-«троцкистам». Критикуя Лежнева за политические ошибки, допущенные в тексте книги, Бутенко, ссылаясь на восходящего в то время по карьерной лестнице Л.П. Берия⁴⁶, пишет:

Вину за исторический «грех» русской буржуазной интеллигенции перед революцией, за ее ренегатство автору зачем-то понадобилось взвалить на «слабость» работы большевистской партии. Выступление тов. Берия показало, как могуче было теоретическое вооружение большевизма на всем его историческом пути <...> И. Лежнев объясняет ренегатство интеллигенции в эпоху реакции, после разгрома

---

⁴⁶ В марте 1935 г. Л.П. Берия, первый секретарь ЦК КП(б) Грузии, избран членом ЦИК и его Президиума.

революции 1905 года, тем что «разобраться» в усложнявшейся обстановке, в огромном потоке проблем без нужных знаний и опыта без достаточного руководства партии нашим теоретическим развитием было бы непосильно (с. 73). Нам думается, что это утверждение – плод грубейшего политического недомыслия, как И. Лежнева, так и издательства, выпустившего книгу⁴⁷.

В отзыве Бутенко на книгу Лежнева присутствуют не только обвинения в политических ошибках. Федор Христофорович довольно точно подмечает один из основных стилистических (смыслообразующих) приемов Исаия Григорьевича, который тот не раз применял в своих текстах.

Стремясь в изложении фактов к беспристрастности, обобщая их, Лежнев демонстрирует свою способность к «объективному» (отстраненному от личности) взгляду на события: в нем нет места привязанности к людям и к себе самому. С помощью такой «объективности» Исай Григорьевич, избавляясь от ошибок прошлого, выстраивает свою публичную биографию: его «ошибки», уравновешенные собственным, всегда декларируемым, трудолюбием и объясняемые с точки зрения коллективных «исторических заблуждений», становятся всего лишь *честными* шагами на пути служения партии и народу. Бутенко замечает: «И. Лежнев сам пытается выступить в роли историка и судьи. Вместо автобиографической повести, которая могла бы завоевать читателя своей непосредственностью, искренностью и своеобразием материала – перед нами разворачивается суховатое публицистическое исследование. Выступив на первых страницах книги как рассказчик-мемуарист, И. Лежнев переходит вдруг на позицию историка общественной мысли»⁴⁸.

Были ли еще пересечения двух биографий – Лежнева и будущего невозвращенца Бутенко? Вряд ли. В 1938 г. Бутенко начинает в Италии новую жизнь – «русского патриота» и борца с «жидовским раздолбем»: теперь он выступает в роли обличителя преступлений Сталина. В 1938 г. в Германии выходит его брошюра «Разоблачение Москвы»⁴⁹, в которой, как отмечает В. Кайдан, «впервые описан голодомор» [Кейдан 2010, с. 55].

⁴⁷ *Бутенко Ф.Х.* Записки современника: (к обсуждению книги И. Лежнева в Ин-туте НКВД): [машинопись, предположительно – 1935 г., 4 с., на с. 1 – автограф, предположительно – рукой И.Г. Лежнева]. С. 3–4. *Из архива М.В. Мишуровской.*

⁴⁸ Там же. С. 3.

⁴⁹ *Butenko Th.* Enthüllungen über Moskau / Hrsg. V. d. “Antikomintern”. Aus d. Russ. übertr. V.Th. Adamheit. Berlin; Leipzig: Nibelungen-Verl., 1938. 47 S.

Лежнев, став литературным функционером во время набирающей силу антитроцкистской кампании, напротив, становится активным защитником «русского народа». На страницах газеты «Правда»⁵⁰ он борется с «фашистскими бандитами» и «ползучими гадами» – героями «антисоветского троцкистского центра», подсудимыми Второго московского процесса: Я.Н. Дробнисом, Г.Л. Пятаковым, К.Б. Радеком, Г.Я. Сокольниковым и др. Исай Григорьевич отождествляет «троцкистов» с героем романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» Смердяковым, заметившим своей веснушчатой невесте: «Я всю Россию ненавижу, Марья Кондратьевна...»

Украинский вопрос также встает в его обличительных корреспонденциях – в связи с высказываниями Л.Д. Троцкого об Украине. Лежнев бьет по врагу примерами из классики:

Войдя во вкус, лакей Смердяков прибавляет: «Русский народ надо пороть-с...». Разве далеко от этого ушел Троцкий, который в своем грязном листке⁵¹, издающемся в Париже, пишет: «Границы СССР... не имеют даже национального оправдания. Украинский народ, – чтоб взять один из многих примеров, – разрезан государственной границей пополам...»⁵²

По-видимому, единственно в целях «национального оправдания» Троцкий и решил «уступить» Германии Советскую Украину, о чем договорился с Гессом. Ежели украинский народ «разрезан государственной границей пополам», то стоит ли, мол, нам держаться какой-то там презренной половинки; уступим им, – тогда у «умной нации» будет целая Украина⁵³.

Об основном посыле «Записок...» Лежнева, адресованных вождю и партии, довольно точно высказался литературовед Александр Михайлович Лейтес: «...книга Лежнева – это не столько автобиография и не столько памфлет, сколько роман об идеологии. <...> И. Лежнев мог бы сказать о себе словами Гейне, что он долго

---

⁵⁰ *Лежнев И.Г.* Смердяковы // Правда. 1937. 25 янв. № 24. С. 6–7.

⁵¹ «Грязный листок, издающийся в Париже» – «Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев)», издававшийся с 1929 по 1941 гг. В октябре 1936 г. редакцией «Бюллетеня...» был подготовлен «Специальный номер о Московском процессе» (№ 52/53).

⁵² См.: *Троцкий Л.Д.* Заявления и откровения Сталина : внешняя политика // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). Париж, 1936. № 49. С. 2.

⁵³ *Лежнев И.Г.* Смердяковы... С. 6.

шатался по разным “танцклассам философии”, предавался многим оргиям ума, прежде чем открыл для себя величайших мыслителей человечества – Маркса–Ленина–Сталина»⁵⁴.

(Окончание следует)

Литература

- Белобровцева 2011 – *Белобровцева И.З.* Дачник поневоле: эстонский эпизод в жизни И.Г. Лежнева // *Топография культуры: деятели русской культуры – дачники в Эстонии / Меймре А., Белобровцева И.З. и др. М.: Флинта; Наука. 2011. С. 77–88.*
- Кейдан 2010 – *Кейдан В.* Выбор Федора Бутенко: судьба интеллектуала-невозвращенца в эпоху тоталитаризма // *Запад – Восток: науч.-практический ежегодник. Йошкар-Ола, 2010. № 3. С. 50–62.*

References

- Belobrovceva, I.Z. (2011), “Summer resident perforce. An Estonian episode in the life of I. G. Lezhnev”, in Mejmre A., Belobrovceva I.Z. i drugie, *Topografiya kul'tury: deyateli russkoj kul'tury – dachniki v Estonii* [Topography of culture. Figures of the Russian culture-cottagers in Estonia], Flinta; Nauka, Moscow, Russia, pp. 77–88.
- Kejdan, V. (2010), “The choice of Fyodor Butenko. The fate of an intellectual non-returnee in the era of totalitarianism”, in *Zapad – Vostok: nauchno-prakticheskii ezhegodnik* [West-East. Scientific and practical yearbook], vol. 3, Joshkar-Ola, Respublika Marij El, Russia, pp. 50–62.

Информация об авторе

Мария В. Мишуровская, Российская государственная библиотека искусств, Москва, Россия; 107031, Москва, ул. Большая Дмитровка, д. 8/1, onb@liart.ru

Information about the author

Maria V. Mishurovskaya, Russian State Art Library, Moscow, Russia; bld. 8/1, Bolshaya Dmitrovka Str., Moscow, Russia, 107031; onb@liart.ru

---

⁵⁴ *Лейтес А.М.* «Записки современника» Исая Лежнева: [машинопись, предположительно – 1935 г.]. С. 5–7. Из архива М.В. Мишуровской.